

АЛЕКСАНДР
АУЗАН

КУЛЬТУРНЫЕ

КОДЫ

ЭКОНОМИКИ

Как ценности влияют
на конкуренцию,
демократию
и благосостояние народа

Издательство АСТ
Москва

Оглавление

ОТ АВТОРА	4
ГЛАВА 1 ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА И ИНСТИТУТЫ — ТАНГО ВТРОЕМ.....	11
ГЛАВА 2 КУЛЬТУРНЫЙ КОД, ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСПЕХА СТРАН, ИЛИ ЗАКОН ИНГЛХАРТА	32
ГЛАВА 3 КОД КОНКУРЕНТНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ, ИЛИ ЗАКОН ХОФСТЕДЕ	48
ГЛАВА 4 ПОРТРЕТ РОССИИ: К-РОССИЯ И И-РОССИЯ.....	67
ГЛАВА 5 ВОЗМОЖНА ЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-РУССКИ?.....	80
ГЛАВА 6 ЭФФЕКТ КОЛЕИ	92
ГЛАВА 7 КУЛЬТУРНЫЙ КОД, ТРАНСФОРМАЦИИ, ИЛИ ЗАКОН ПОЛТЕРОВИЧА-РОДРИКА.....	116
ГЛАВА 8 АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА, ИЛИ ЭКОНОМИКА ДОВЕРИЯ.....	136
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	156

От автора

Когда вышла моя предыдущая книга «Экономика всего», меня спрашивали: «Ну, что, Александр Александрович, через годик-два будет еще одна книжка?». Я отвечал: «Что вы, лет через 5–7». И, как выяснилось, я ошибался. Понадобилось 10 лет для того, чтобы новая книга вызрела, выходила, обдумалась и превратилась в текст. Очень точно по этому поводу сказал один из моих любимых поэтов Владимир Маяковский:

Я раньше думал —
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный протак —
пожалуйста!
А оказывается —
прежде чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтаются в тине сердца
глупая вобла воображения.

Я действительно прошел много километров по лесам, по улицам и по квартире для того, чтобы разрозненные мысли сложились в какое-то понимание.

А началось это, разумеется, с еретической идеи. В конце 1990-х у меня возникла опасная мысль,

что некоторые наши отечественные экономические успехи и столь же очевидные экономические неудачи могут объясняться нашими культурными особенностями. Еретические мысли нередко проходят несколько фаз развития, когда сначала все говорят «что за чушь», потом «что-то в этом есть», и, наконец, «кто же этого не знает». За прошедшие двадцать лет возникло целое направление в мировых социальных науках под лозунгом «культура имеет значение», возникли исследования — как кабинетные, так и полевые, в том числе и в России — о воздействии культуры на экономику, политику, социальное развитие. И для того чтобы родилась та книга, которую вы сейчас держите в руках, необходимо было не только долго думать и много ходить. Нужно было задать вопросы и получить на них обоснованные ответы.

Первое полевое исследование такого рода мы провели с коллегами из Института национальных проектов и экономического факультета МГУ в 2012 году. С 2015 года исследования стали ежегодными, а с 2016 мы дозрели до состояния, когда некоторые идеи уже можно было рассказывать студентам. Произошло это благодаря знаменательной встрече. У нас на экономическом факультете МГУ выступил с лекцией известный российский режиссер и мыслитель Андрей Сергеевич Кончаловский, автор статьи «Культура — это судьба». И после выступления я предложил мастеру прочесть совместный курс для студентов разных факультетов МГУ про культурные коды и их воздействие на экономику и социальную жизнь. В последующие годы мы читали такой курс уже без Андрея Сергеевича, сделали его регулярным, я читаю его вместе с очень

интересным молодым исследователем, моей уважаемой ученицей, Еленой Николаевной Никишиной, и, наконец, в сентябре 2021 года мы издали курс лекций «Социокультурная экономика», который сейчас доступен в электронном виде для всех, кто желает понять, о чем мы там рассказываем.

Спрашивается, зачем же я эту книгу делаю, когда, казалось бы, есть и научные статьи, и опубликованные результаты полевых исследований, и, наконец, курс лекций, изданный совсем недавно? Дело в том, что студенты для меня, конечно, главная (но не единственная) аудитория. В начале 2000-х годов произошел знаменательный разговор с одним из министров тогдашнего реформаторского правительства, которому я сообщил, что не смогу прийти на решающее заседание правительства России, потому что у меня лекция в это время. Он сказал мне: «Сан Саныч, плюньте на студентов, мы с вами делаем реформу всей российской экономики». Я ответил: «Знаете, человек, который плюет на студентов, потом получает плевков из будущего». И умный министр согласился со мной: «Хорошо, защитим мы наше предложение без вас, идите к студентам». И я всегда стараюсь пойти к студентам, считая это наиболее важным делом своей жизни. Но то, что мы наработали, мне кажется, надо рассказать многим мыслящим, умным, образованным людям в разных науках, разных видах общественной и государственной деятельности, бизнеса, потому что мне представляется, что те, кому небезразлична судьба страны и возможности ее преобразования, могут получить некоторое полезное знание из наших поисков и находок последних десятилетий, и из того, что нам удалось надумать и сформулировать за последние годы.

Прежде всего это касается одного из ключевых вопросов, которые мне часто приходится обсуждать и комментировать, — эффекта колеи. Нередко именно с моими публикациями и комментариями по эффекту колеи связывают само внимание к этому сложному историческому, экономическому и культурному явлению, которое явно недооценивалось раньше. Я благодарен моим коллегам, которые в 2016 году удостоили меня премии имени Егора Гайдара за вклад в экономическую науку в связи с введением в научный оборот социокультурных факторов экономической динамики и эффекта колеи. Однако иногда в обсуждениях эффекта колеи я замечаю некоторую очень странную рефлексию и вспоминаю горькую фразу, которую приписывают Гегелю. Якобы Гегель, умирая, сказал: «Меня понял только один мой ученик, да и тот неправильно». Тем, кто из наличия эффекта колеи делает неожиданный вывод, что наша страна обречена на пребывание в этой траектории движения, на постоянное дежавю и повторения уже прожитых ситуаций, и что нечего и суетиться — так работает закон истории — этим людям я хочу заметить: я с вами категорически не согласен. Эффект колеи — это диагноз, а не приговор. Личную ответственность людей за свое историческое время, за принятие ошибочных решений, игнорирующих долгосрочные интересы развития страны, — эту личную ответственность никто не отменял. Напоминаю, что есть примеры стран, которые преодолели эффект колеи. Да, болезненно, сложно, неоднозначно, но это болезнь, которая имеет случаи излечения, и мы обязаны искать способы лечения этой болезни.

Хочу заметить, что за последние годы мы гораздо лучше стали понимать саму механику эффекта колей. Наши исследования 2015—2016 годов позволили обнаружить очень важное: как в механизме принятия решений проявляется эффект колей, как получается, что мы хотим идти в одну сторону, а идем в другую? Ну, например, Россия имеет несколько ресурсов мирового значения. Не только нефтегазовые: у нас есть самая большая в мире территория, у нас есть очень качественный человеческий капитал, и у нас есть военно-промышленный потенциал и военно-научные школы, поскольку мы — наследники двух империй — Российской империи и Советского Союза. В зависимости от того, на какой ресурс будет опираться страна, образ будущего будет формулироваться по-разному. Либо это «самая большая страна мира», которая развивает инфраструктуру и коммуникации между Европой, Азией и Америкой, либо это «страна умных людей», которая делает ставку на высококачественный человеческий капитал, доказавший свои способности в самых разных странах, либо это «военная супердержава», которая опирается именно на наследие империй и военно-промышленные возможности. Выбор зависит, в частности, от того, в каком горизонте принимается решение, потому что человеческий капитал дает реальные плоды за пределами десятилетнего срока. Вложения в инфраструктуру тоже требуют значительного времени, хотя и чуть меньше. А вот военно-технические разработки, хотя они нередко закладывались в прошлые десятилетия, при больших инвестициях в оборонно-промышленный комплекс могут дать яркие результаты за несколько лет, и мы наблюдали, как это происходило в 2010-е годы. На

основе анализа, проведенного в 2015 году, мы сделали прогноз, что с высокой вероятностью Россия пойдет по пути государственного, а не частного или народного капитализма, и что наиболее вероятный образ будущего страны — «военная супердержава», а не «страна умных людей», которую, надо заметить, представители самых разных взглядов и слоев населения считали бы наиболее счастливым будущим для России. Этот прогноз очевидным образом подтвердился. Механизм принятия решений в условиях короткого горизонта планирования приводит иногда к очень заметным результатам, но не к тем, которых реально хотелось бы достичь. Поэтому преодоление эффекта колеи — это тема, которая требует внимания, усилий, тонкого понимания, и я продолжаю заниматься этой темой: в книге, предлагаемой вашему вниманию, появилась отдельная глава, посвященная эффекту колеи, где я постарался рассказать о наших новых разработках и находках, связанных с механизмами принятия решений и видения будущего.

Последние фазы работы над книгой были связаны не с уединенными размышлениями, а с совместными усилиями, когда мы сделали серию из семи лекций на портале «Арзамас» вместе с редактором Дарьей Тимченко и ее коллегами, затем — семь колонок в журнале «Forbes» вместе с редактором Марией Михантьевой и ее коллегами. И, наконец, тексты, которые были подготовлены в издательстве «АСТ» с Екатериной Туиновой. Однако я бы сказал, самым важным для меня редактором (при том, что я благодарен, безусловно, всем, кто со мной трудился над этой книгой) стала моя жена Юлия, которая, в отличие от меня, умеет

писать — у нее за плечами Литературный институт и опубликованные прозаические и стихотворные работы. Вместе с Юлией мы завершили тексты, которые начинали делать с моими коллегами по Институту национальных проектов в наших исследованиях 2012 — 2021 года. Им я бы хотел высказать отдельную благодарность: Елене Никишной, Антону Золотову, Александре Ставинской, Виктору Брызгалину, Надежде Припузовой, Асие Бахтигаревой, Сергею Трухачёву и другим. Но не хочу снимать с себя ответственность за то, за что отвечаю именно я. Мне кажется, главное, чем отличается книга, которую я пытаюсь вам представить, от предыдущих научных и лекционных изданий, состоит в том, что, похоже, возникает некоторое понимание и формулирование основных культурных кодов, влияющих на экономику, законов, которые позволяют прогнозировать, использовать силу культурных кодов и менять направление развития страны. Возможно, я ошибаюсь в формулировании этих законов. Но один из моих друзей сказал мне однажды: «Саша, на наших могилах будет написано "они заблуждались искренне"». Вот эту меру своего нынешнего понимания, а может быть, и заблуждения, я предлагаю вашему суду и вашему вниманию.

Александр Аузан

Глава 1

Экономика, культура и институты — танго втроем

Думаю, не я один много лет мучился вопросом: почему наша страна — сначала СССР, а потом и Россия — за XX век создала атомную и водородную бомбу, спутник, космический корабль, но не смогла сделать конкурентоспособный автомобиль, телевизор, холодильник и персональный компьютер? Чем же объяснить эти странности, заметные не только мне, но и исследователям, которые занимались экспериментами, поисками, социологией? В конце концов, я предположил, что, возможно, дело не в экономике, а в культуре.

Проверить это предположение довелось в 2011 году, когда мы с коллегами из Института национальных проектов и Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге провели в трех странах социологические исследования о наших соотечественниках-инноваторах. Мы получили ответ от менеджера из США, просто чеканную формулу: «Хотите получить одну хорошую вещь — закажите русским,

хотите получить десять — заказывайте кому угодно, только не русским».

Есть в философии известное суждение, именуемое бритвой Оккама (в честь Уильяма Оккама, английского философа): не умножай число сущностей сверх необходимого. Если можешь объяснять мир уже существующими сущностями — объясняй. Поэтому, чтобы заявить о том, что появляется новое направление для изучения, в котором экономика и культура переплетаются, нужно иметь вопросы, на которые нельзя дать ответы без объединения экономики и культуры, нельзя решить другим способом.

Ведь были и другие объяснения наших неудач. Например, почему плохо развивается автомобильная промышленность? Из-за протекционизма, говорят нам: отрасль сгубила государственная поддержка. Но с холодильниками такого не было, и с компьютерами — тоже. Может быть, дело в истории? В СССР были большие военные заказы, и мы до сих пор хорошо делаем то, что является предметом уникального военного заказа. Но наши соотечественники в инновационном секторе в США или Германии занимались совершенно другими вопросами, но и там эта способность — лучше делать уникальное, чем массовое — сохраняется.

То, о чем я хочу рассказать, довольно новое направление в науке, которое еще находится в процессе формирования, оно возникло сравнительно недавно. Мы, однако, успели много поработать в этом направлении, и те лекции, которые составили эту книгу, это только верхушка айсберга.

Десять лет мы занимались полевыми исследованиями и пять лет читали курс в МГУ для студентов 40 факультетов. Все это легло в основу книги

«Социокультурная экономика», которую написали мы с моей замечательной коллегой и ученицей Еленой Никишиной¹. Многие из той книги вошло в книгу, которую вы держите в руках.

Вернемся к большой науке.

Пятьдесят лет назад Дуглас Норт, один из лидеров новой институциональной экономической теории, сказал знаменитую фразу: «Институты имеют значение»². Собственно, моя книга, вышедшая 10 лет тому назад сначала под заголовком «Институциональная экономика для чайников», а потом — «Экономика всего», как раз о том, какое значение имеют институты³.

Но важны не только институты. Сэмюэл Хантингтон в начале XXI века сказал: «Культура имеет значение»⁴. Что ж, много что в жизни имеет значение. Однако нам хочется видеть картину мира, которая включала бы и то, и другое — потому что нам, экономистам, не хватает прежних сущностей для понимания того, что происходит вокруг. Конечно,

¹ Аузан А. А., Никишина Е. Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021.

² North D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge university press.

³ Аузан А.А. Экономика всего: Как институты определяют нашу жизнь. М.: МИФ.

⁴ Harrison L. E., Huntington S. P. (2000). *Culture matters: How values shape human progress*. New York: Basic books.

было в институтах кое-что, что указывало в сторону культуры. Ведь что такое институты? Это правила и механизмы поддержания этих правил. А механизмов поддержания, собственно, было два, теперь я, правда, думаю, что их три. Поддерживать правило можно либо через принуждение, с помощью специально обученных людей, которые вас заставляют этому правилу следовать, угрожают применить силу, если вы не подчиняетесь. Это один вариант, это так называемые формальные институты. А другой вариант — неформальные институты, когда вы подчиняетесь правилам не потому, что в законе написано, а потому, что ваши друзья, знакомые, сослуживцы считают, что надо вести себя так, а не по-другому, когда каждый становится гарантом исполнения этих правил, потому что так принято в вашем сообществе. В общем-то, это и есть культура — другое название того, что мы, институциональные экономисты, называем неформальными институтами. Эти институты оказались важны для понимания того, как управлять ресурсами, и что из них получается, и поэтому были включены в систему экономической науки. Экономисты, в большинстве своем, и мы вместе с ними под культурой понимаем ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени — неформальные институты.

Сейчас, мне кажется, возник и третий способ поддержания правил, связанный с цифровыми платформами, агрегаторами, технологиями, которые основаны на искусственном интеллекте. Там тоже есть свои культурные явления — так называемое шеринговое, или распределенное доверие, мы об этом тоже поговорим.

Почему в экономике к культуре относились без должного внимания? Экономика как наука тоже постепенно приходила к пониманию того, что этот мир устроен сложно. Экономика — это про редкие ресурсы. Когда появляется понятие редкого ресурса, или, по-человечески говоря, когда вы понимаете, что у вас не хватает средств для достижения цели, вы начинаете заниматься экономикой. Сначала под ресурсами понимали природные богатства, наличие человеческого потенциала, который, обучая, можно превратить в капитал. Это ресурсы. А потом выяснилось, что страны, очень богатые ресурсами, могут развиваться хуже, чем страны, которые такими ресурсами не обладают, — так называемое ресурсное проклятие. Почему такое происходит? Для решения этого вопроса экономика добавила в себя понимание институтов, устройства правил. Потому что ресурсное проклятие — не от того, что у вас много нефти, а от того, что у вас все правила настроены на то, чтобы эту нефть превращать в ренту и заниматься не инновационными отраслями экономики, а захватом источников ренты и их охраной, чтобы больше никто к этим источникам не подходил. Это так называемые рентоориентированные или экстрактивные институты. Как только такой тип институтов складывается, у вас возникают неправильные экономические результаты при наличии ресурсов. Но я бы сказал, что дело не в нефти. Дело не в том, что в стране есть ресурс, а в том, что вы считаете для себя целью выжать ренту из этого ресурса. Дело не в злате, а в златолюбии, и, если не будет нефти, можно придумать другой ресурс для выжимания ренты. Скажем, люди в крепостном хозяйстве были таким ресурсом. В будущем им может оказаться

чистая вода Байкала, или, наоборот, наличие больших территорий в Сибири для складирования чего-нибудь нехорошего и получения с этого рентного дохода. Поэтому пришлось институты включить внутрь экономической теории и экономической науки, а теперь приходится делать следующий шаг.

Итак, давно было понятно, что в институтах есть какой-то культурный элемент, а что нам не было понятно, так это почему им мало интересовались. Потому что экономистов сильно интересует такой вопрос, как экономический рост. Если мы не можем показать связку того или иного фактора с экономическим ростом, то вроде бы это уже не котлеты, а гарнир — это не так и важно. Почему экономический рост так важен для экономистов? Экономическая наука возникла при Адаме Смите как наука о богатстве. А богатство интересовало не в том смысле, чтобы его просто посчитать, но и как найти пути роста этого богатства. Рост — вообще-то явление довольно новое: до XVIII века его не существовало. В прежние века экономика сжималась и разжималась в зависимости от того, была ли война или эпидемия, больше людей стало или меньше. Меньше людей — меньше экономика, больше людей — больше экономика. А с XVIII века возникло явление экономического роста, и не факт, что это явление будет существовать дальше. В начале XXI века, когда темпы замедлились, экономисты стали говорить о том, что, возможно, экономический рост исчезает как явление, но он пока остается самым важным для наших поисков и размышлений. Да, конечно, мы все помним про Римский клуб и идеи устойчивого развития, но отказаться от исследования экономического роста